

«Свирель, а не маршальский жезл» 1988

Мак. Кешешов
16 лет.

ЧТЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ИНСТИТУТЕ

АЛЕКСАНДРУ АРКАДЬЕВИЧУ ГАЛИЧУ, замечательному поэту-певцу, исполнилось бы в этом году семьдесят лет. В канун этой даты многие журналы и газеты напечатали на своих страницах его произведения, песни Галича впервые прозвучали по радио и телевидению. А совсем недавно в Литературном институте

состоялись чтения, посвященные его жизни и творчеству. Организовали и провели их студенты и преподаватели института.

— **НАКОНЕЦ** пошли одна за другой публикации и, как всегда у нас, с огромным опозданием, с оговорками, — сказал открывший чтения **Лев Озеров**. — Но песни Галича давно пробили себе дорогу к нашим сердцам. И теперь они приводятся вместе с собой самого их автора, который долгое время был неупоминаем. Александр Галич — драматург, мечтатель, бард, писатель, мыслитель, очень сильный мастер стиха. Эти чтения — только начало, предстоит основательно разобраться в его наследии.

Я познакомился с Александром Аркадьевичем очень давно, самое позднее в 1936 году, в доме одной московской красавицы из семьи с трагической судьбой: наступали годы 37, 38, 39-й, которые, увольте, описывать не буду, достаточно упоминания. Монтень писал о трех способах общения: с друзьями, с женщинами и с книгами. И вот круг друзей редел катастрофически, в том числе друзей-женщин, оставались книги, но они тоже попадали под арест, засекречивались... Были долгие разговоры, подчас тяжелые, с Николаем Глазковым, Ксенией Некрасовой, Михаилом Кульчицким, Всеволодом Багрицким и — с Александром Галичем, который оказался прекрасным собеседником, тонким, находчивым, глубоким, с чувством юмора. Многие воспринимали его как баловня судьбы, но на самом деле этого в нем не было, он очень переживал то, что происходило в стране, и все это накапливалось в его душе.

Этим чтениям я бы предпослал два эпиграфа из стихов Александра Аркадьевича. Первый — вот эти строки: «А маршальский жезл у меня в рюкзаке — свирель, а не маршальский жезл». Удивительно это сопоставление маршальского жезла и свирели, которые издали могут показаться неотличимыми! И второй эпиграф: «А про то, что мне было худо, никогда вспоминать не надо». И мы не просто вспоминаем, что ему было худо, — мы вспоминаем, что худо было совершенно уникально, замечательному поэту, который, чувствую, с годами становится все более любимым.

— **Я НИКОГДА** не думала, что мне придется выступать на литературных чтениях памяти Александра Галича, — призналась **Анаида Баставашвили**. — В 1968 году, переехав из Тбилиси в Москву, я впервые попала в знаменитую Малеевку. Тогда она была мало похожа на нынешнюю, в ней был какой-то особый микроклимат — такой, что кто-то из малеевских старожилов пошутил: в Малеевке хочется попросить политического убежища. Были там очень разные люди, многих уже нет с нами — переводчика Льва Пеньковского, сподвижника Твардовского по «Новому миру» Александра Марьямова, публициста Анатолия Аграновского... И вот в окружении этих замечательных людей я увидела Галича, о котором до того даже не слышала. Был он необыкновенно красив и артистичен, с редкой культурой поведения — моему поколению уже в диковинку были эти хорошие манеры. Он уже тогда был легендой и относился к этому с юмором и иронией.

С Александром Аркадьевичем была его жена Ангелина Николаевна, женщина необычайной внешней и душевной красоты (потом она трагически погибла в Париже, ненадолго пережив мужа). Это были люди, пытавшиеся сохранить жизнерадостность, веру в человечество. Время было еще не очень страшное, в малеевской компании еще всю шутили. Но были и скорбь, горечь.

В стихотворении о декабристах — одном из шедевров русской лирики — Галич спрашивал: «Сможешь выйти на площадь?». Он сам для себя решил этот вопрос — вышел на площадь, и не только на

площадь, но и на плаху. У него никогда не было манеры призывать к героическим подвигам. «До чего ж мы гордимся, сволочи, что он умер в своей постели» — этот страшный укор из песни о Пастернаке он обращал к себе.

Как-то между делом Александр Аркадьевич сказал: «А я вот стал членом комитета защиты прав человека» (в комитет этот, организованный академиком Сахаровым, вошли кроме него и Галича еще пять человек). Ангелина Николаевна, услышав это, чуть не упала в обморок и поспешила всех успокоить: «Не слушайте его, он сумасшедший, у него справка». Она всегда так говорила. Потом оказалось, что Галич сказал правду...

Однажды в Малеевке Александр Аркадьевич читал нам свою знаменитую поэму о Янеше Корчаке. Поэма лежала в «Новом мире», и Твардовский готов был ее напечатать, но цензура почему-то требовала снять совершенно невинные заключительные строчки («Не возвращайтесь в Варшаву, пан Корчак...»). Все умоляли Галича согласиться, но он категорически отказался. Поэма так и не появилась в журнале, к великому сожалению Твардовского и всех нас.

В трудные времена Александр Аркадьевич пытался переводить грузинских поэтов, но запрет был наложен даже на публикацию его переводов под псевдонимом. Как-то, съездив в Грузию, он написал стихотворение, закончившееся так: «На холмах Грузии лежит ночная мгла. И как еще далеко до рассвета». Держался он бодро. Когда еще допускаясь его выступления по научным институтам, мы оказались одновременно в Ленинграде, и он там заболел, попал в больницу с подозрением на инфаркт. И больные отказались его отпустить, сказали, что он для них лучшее лекарство. Кто он такой, они не знали.

В последние годы перед отъездом Галич был уже настолько болен, что больше лежал, чем ходил. Это не помешало совершенно безобразным преследованиям его. Исключение из Союза писателей произошло на мнимом секретариате. Мы, друзья, на него допущены не были. В окружении Александра Аркадьевича были мужественные, авторитетные люди — такие, как ученый-математик Елена Сергеевна Вентцель (писательница Грекова); они писали письма в его защиту. Но главное было то, что он выбрал свой путь и с него не свернул. Я мало встречала людей, с такой силой противостоящих лжи, насилию, вранью, — он этого просто не мог перенести...

АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ говорила об особом месте Галича в русской литературе, о его поразительном умении соединять поэзию с городским фольклором, с жаргоном, которое в такой степени не свойственно никому, даже самым замечательным нашим поэтам и бардам. Поэтическому новаторству Галича было посвящено сообщение молодого литературоведа Константина Кудрявцева, исследовавшего, в частности, цикл песен о поэтах «Литераторские мостки» как образец особого жанра реквиема-баллады. И конечно, не однажды на протяжении чтений звучал с магнитофонных записей голос поэта. Звучали многие его песни и в исполнении одного из организаторов чтений студента Литературного института Григория Лески-са.

Александр Галич прожил в литературе трудную и необычную жизнь. Процветающий драматург, он в зрелые годы круто повернул свою судьбу и избрал путь поэта-барда, путь, по которому он шел — «земля под ногами и посох в руке» — со свирелью вместо маршальского жезла. Прочность и правда этого выбора и стала главным уроком Галичевских чтений. «Здесь, в этом зале, — сказал, завершая чтения, Лев Озеров, — я почувствовал, что сердце Галича было очень нежное и мятежное, веселое по рождению и очень опечаленное жизнью, возвышенное и очень человеческое».

Петр СПИВАК.